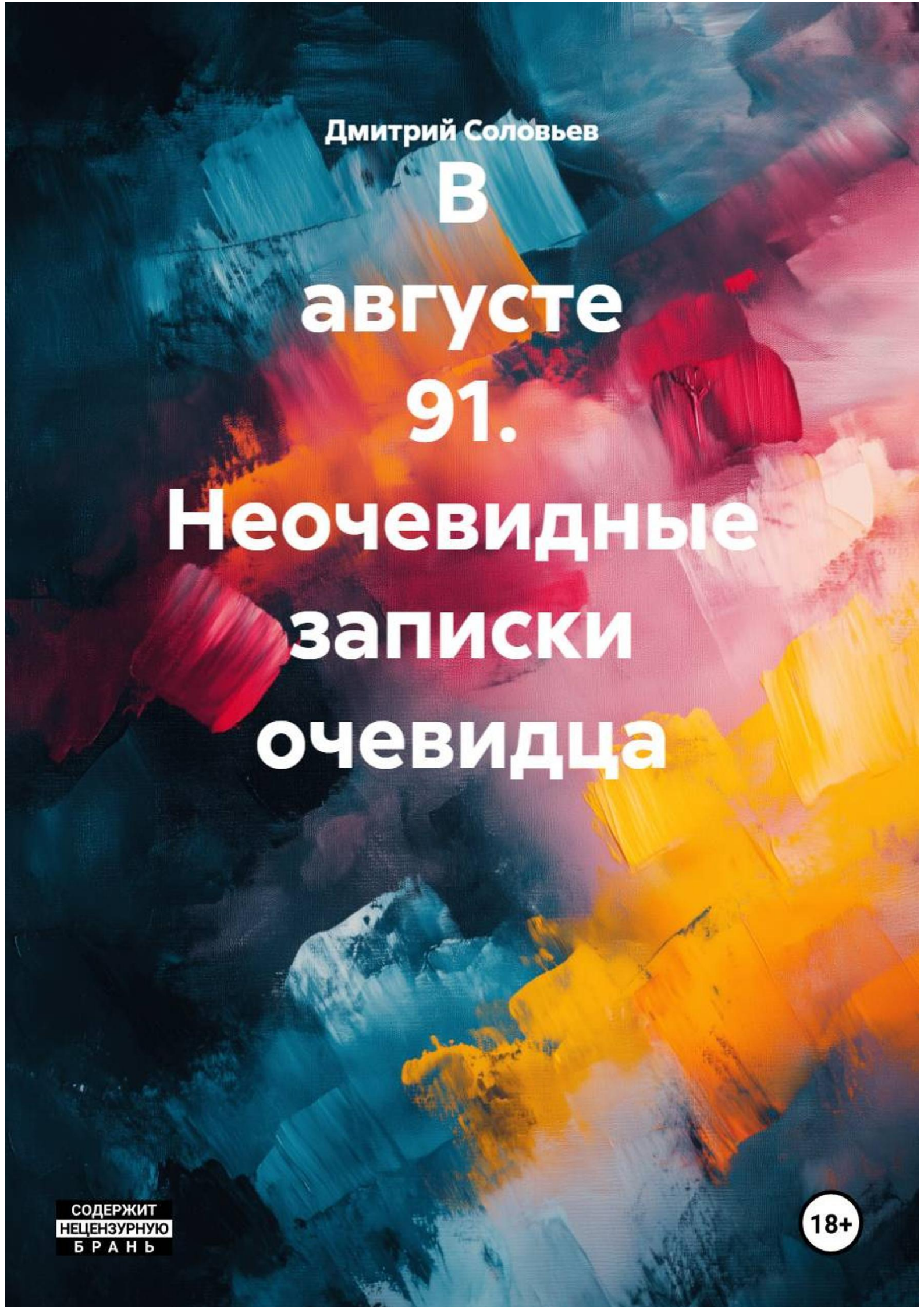

Дмитрий Соловьев

В

августе

91.

Неочевидные
записки
очевидца

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Соловьев

**В августе 91. Неочевидные
записки очевидца**

«Автор»

1992

Соловьев Д. А.

В августе 91. Неочевидные записки очевидца / Д. А. Соловьев — «Автор», 1992

Так получилось, что я оказался 19 августа 1991 года рядом с домом правительства именуемым Белым домом и в меру своих сил и любознательности, а так же политических взглядов, участвовал в разворачивающихся событиях. Мне было 28 лет, но чувствовал и выглядел я как мальчишка. И трусил и восторгался и пытался оценить ситуацию, участвуя в этой большой игре не зная чем это все для меня и для нашей страны закончится. От меня мало чего зависело - один из десяти тысяч человек, но ведь любая армия собирается из таких одиночек. Наверное толку от моей бурной и бестолковой деятельности было ноль. Но я широко раскрыв глаза смотрел на проносящиеся передо мной события и встречи разных по темпераменту людей. Смотрел и что то сразу записывал, что то просто запоминал. Мой отрывочный рассказ неполный и наверняка неточный. Я просто показываю как это было для меня и что происходило рядом со мною на расстоянии вытянутой руки эти три дня. Содержит нецензурную брань.

© Соловьев Д. А., 1992

© Автор, 1992

Содержание

Глава	5
В августе 1991. События увиденные своими глазами	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Соловьев

В августе 91. Неочевидные записки очевидца

Глава

В августе 1991. События увиденные своими глазами

Утро 19 августа 1991 года я встретил на работе. Вызовов накануне было немного, и мы допоздна смотрели фильм-комедию про сумасшедшего режиссера и сценариста – фашиста. Поэтому нас не обрадовала ранняя побудка устроенная нам диспетчером Тамарой Васильевой.

– Вставайте сони! Горбачева скинули! – громко сказала она, войдя в фельдшерскую.

Четыре сонные и недовольные физиономии приподнялись над подушками, что это розыгрыш?

Мои глаза смотрели на Тамару Васильевну с недоверием: – Вы шутите?

– Какие тут шутки!? – горько рассмеялась она, – Включайте телевизор, там об этом только и говорят.

Сна как не бывало, и мы сгрудились у телевизора, но новости уже закончились, и по ящику транслировалась какая-то ерунда.

Умывшись, я зашел в диспетчерскую, чтобы еще раз с пристрастием допросить Т.В., но этого не понадобилось, по радио передавали последние новости.

Тошнотворно казенным голосом дикторша зачитала сообщение об образовании государственного комитета чрезвычайного положения.

– Чрезвычайное положение объявляется в Москве, Ленинграде и ряде других областей и городов. В связи с болезнью Михаила Сергеевича Горбачева его обязанности будет выполнять вице-премьер Янаев. Для поддержания порядка в город Москва введены войска и бронетехника. Просим граждан соблюдать спокойствие и не поддаваться на провокации.

Далее шли горы «заманчивых» обещаний типа – каждой семье по земельному участку, полные прилавки продовольствия и восстановление коллективного хозяйства путем мобилизации на поля горожан.

– Все экстремистские газеты закрыты, разрешен выпуск только газеты «Известия», «Правда» и «Труд» – продолжала дикторша бесстрастным голосом, а мне хотелось заплакать от бессильной злости и обиды.

– У них ничего не получится! – стал я убеждать других, сам не слишком уверенный в своих прогнозах.

– Есть съезд народных депутатов, выбранный народом на всеобщем голосовании, есть президенты Казахстана, Украины и других республик, которые не станут их слушать!

– Есть, в конце концов, Америка, которая перекроет все кредиты и Россия восстанет от голода лишенная гуманитарной помощи!

Надо мной тихо посмеивались: – Наивный человек! Никто из людей не выйдет на улицы, все будет как с Хрущевым! Народ умоется этим дерьмом и промолчит! Да и Ельцин, скорее всего, арестован.

Дежурство наше закончилось и мы с Сашей Тереховым ждали, пока Рома Большаков заведет свой старенький «москвич» Над Москвой занимался жаркий летний день. Синее-синее небо в небольших белых барашках-облачках. Проехав по мосту через Москва реку, машина помчалась по Кутузовскому проспекту мимо триумфальной арки и недостроенного объекта на поклонной горе в сторону Крылатского. У магазина Минск навстречу нам проехала колонна военных грузовиков набитых солдатами. Мы угрюмо проводили их взглядами.

– Войска стягивают к центру, – предположил Роман.

– А ты не забыл, что мне надо в отделение милиции заехать? – спохватился Шурик.

– Конечно забыл! – тряхнул головой Роман и мы круто свернули на другую улицу.

– Зачем тебе туда идти? – спросил я товарища.

– Да вот ружье никак не зарегистрирую, а с этим переворотом вообще кислород перекроют. Нужно поторопиться.

– Не ходи, – посоветовал я, – по радио если я не ошибаюсь, объявили, все имеющееся оружие сдать, а ты сам туда прешься!

– Так сдавать надо незарегистрированное, а у меня все документы в порядке, – убежденно сказал Шурик.

Когда он вылез из машины, весело помахав вслед нам рукой, я повернулся к Роману: – Ну и что ты об этом всем думаешь?

Он пожал плечами: – Сложно сказать! Посмотрим.

– Может мы, чем можем помочь?

– Не лезь! Что ты можешь? И без нас там разберутся, от нас ничего не зависит!

Я промолчал, психология друга мне была известна – моя хата с краю, ничего не знаю. Для меня она неприемлема, но в данной ситуации я был склонен с ним согласиться. Что я один могу сделать!? Выйти на красную площадь и заорать что все это неправильно!?

В раздумьях я не заметил, как мы подъехали к моему дому.

– Ты когда теперь работаешь? – спросил меня Ромка.

– 21 августа, – ответил я, пожимая ему руку.

– Я тоже, – улыбнулся он.

Проводив машину взглядом, я поднялся в квартиру и наскоро перекусив, включил телевизор. Я надеялся услышать, что-то новое, но по всем программам транслировали балет лебединое озеро. Радио так же не отличалось разнообразием – музыка, музыка и только музыка, правда по одному из каналов шли древние радиопостановки и разумеется ни одного прямого эфира, ни одного живого слова! На частотах «Эха Москвы» тишина, газеты вышли со вчерашней информацией, в них нет и намек на сегодняшние события.

После живой разноголосицы эфира, после «Вестей» и «Взгляда», эта тишина становится невыносимой, я словно ощущаю нехватку воздуха!

Снова новости! Теперь я вслушиваюсь в них внимательно, надеясь, что хоть кто-нибудь прорвется в эфир. Но ожидание напрасно, все те же каменные лица дикторов и ничего нового! Хотя нет, есть и новое – на сегодня в 21 час назначена пресс-конференция ГКЧП. Вспоминаю про недавно купленный видеоманитофон, и во мне зарождается желание запечатлеть пресс-конференцию на видеопленку. Пустых кассет у меня нет, и я решаю съездить за ними на Новый Арбат.

В кармане 150 рублей, на мне легкая куртка (или синий плащ), через плечо пустая сумка. На Калининском проспекте будничная обстановка, народ толпится в магазинах, словно ничего не произошло (нет в стране переворота).

Останавливаюсь у киоска с видеокассетами, вынимаю из кармана деньги, но в последний момент передумываю. Это у меня последние деньги, а я уже решил идти к Кремлю. Остаться в такой тревожной ситуации совсем без денег я не решился.

Сворачиваю на (назв. улицы не помню) и иду в сторону военторга. Вдалеке видны башни кремля. Мимо военторга прохожу к манежу и останавливаюсь в нерешительности – перекресток оцеплен милицией.

– Проходите, – разрешает пожилой лейтенант.

Быстро перехожу широкую улицу перед зданием манежа. За ним, вдоль Александровского сада вплоть до манежной площади растянулась колонна БТРов, их штук двадцать в полном вооружении. Движение боевых машин заблокировано стоящими поперек улицы троллейбусами, люди окружают машины и убеждают офицеров не участвовать в перевороте.

На одном БТР вездесущие мальчишки оккупировали башню и пытаются отвинтить что-то от крупнокалиберного пулемета, водитель незлобно их шугает.

На другой машине молодой офицер на прямой вопрос: – Будешь ли ты стрелять? Не дает прямого ответа.

– У нас приказ, мы и выехали в Москву, сами ничего до сегодняшнего утра не знали! По приказу и дальше действовать будем. Но поверьте, моя жена утром при просмотре сегодняшнего сообщения расплакалась....– оправдывается он.

Вот и площадь перед манежем, на крышах троллейбусов люди, на БТР молодые ребята с плакатами, на них призыв к бессрочной забастовке. Говорят, это слова Ельцина.

– Молодцы ребята! – радуюсь я их смелости, на душе становится веселей. Взбираюсь на крышу троллейбуса. Оглядываюсь. Темно-зеленая масса БТР, журналисты и телевидение, лысый человек с мегафоном, стоящий на лесенке машины-крана начинает импровизированный митинг. Он кричит: – Долой ГКЧП! Это переворот! Президент РСФСР Ельцин призывает народ России к всеобщей политической забастовке! Долой Язова! Долой Янаева!

Стоящие вокруг люди подхватывают лозунги, я поспешно спускаюсь с троллейбуса и делаю это очень вовремя.– Парень с мегафоном – депутат Моссовета Иванов призывает часть собравшихся идти к «Белому дому».

Там правительство России и ему нужна поддержка.

Решаю идти вместе с ним.

Мы быстро организуем первый ряд. Около нас стоит здоровенная машина-кран перекрывающая дорогу.

Иванов спрашивает в мегафон имя водителя и с некоторым пафосом кричит – Вот таких парней-героев надо в депутаты!

Потом тихо спрашивает сидящего за рулем парня: – Сможешь поехать с нами?

– Только не в первых рядах – говорит тот, – а то оцепление не пропустит.

– Не волнуйся, проедешь – успокаивает его Иванов, и вновь кричит в мегафон, зажигая толпу хлесткими фразами.

Мы идем мимо библиотеки имени Ленина. Оцепление расступается, и бурная река народа заполняет улицу.

Я иду в первом ряду. Передо мной маячит спина Иванова. Мы идем мимо военторга и скандируем – Когда мы едины, мы непобедимы! Долой Янаева! Язова! Пуго! Россия! Россия! КПСС под суд! КПСС под суд!

Теперь Иванов идет во втором ряду. С нами движется и машина-кран. Задние ряды подпирают, и мы беремся за локти, образуя первую шеренгу и сдерживая движение.

– Не торопитесь, соблюдайте дистанцию – кричит в мегафон депутат, и напор ослабевает.

– Мы демонстрация! Пусть они видят! – с гордостью говорю я соседу.

Волна общего единения и восторга захлестывает меня, иногда не могу кричать, ибо к горлу подкатывает комок и хочется зарыдать от счастья. Какой у нас народ! Какие замечательные люди!

Где то на Калининском перекрывают движение автомашин, и наша колонна беспрепятственно на него выходит.

Впереди какая то толпа.

– Внимание, приготовьтесь к возможной схватке – кричит Иванов – женщины выйдете из первых двух рядов! Держитесь ребята за руки! Мы им никого не отдадим!

Холодок проходит по спине, я чувствую, что зря встал вперед, драться неохота, но бежать в дальние ряды!? Ни за что!

– Эх, газовый баллончик не взял – сетует мой сосед. Мы напряженно двигаемся вперед... все ближе к неизвестным...

Ура! Это, похоже, свои и мы орем задним рядам, что бы предотвратить столкновение:
– Это наши!

Радостные возгласы и они идут уже впереди нас. Снова перехожу в первую шеренгу. Любопытство и желание быть впереди неистребимо.

Иванов снова во главе демонстрации. На машину, ползущую в третьем ряду, водружен российский трехцветный флаг.

Люди с тротуаров с интересом смотрят на нас.

– Идите с нами! – кричим им, но те пассивно стоят. Для них это очередное развлечение.

– КПСС под суд – рычит Иванов. Ему явно надоели обычные фразы, и он начинает материться в мегафон – Суки! Бляди коммунистические! – разносится над проспектом.

– Перестаньте материться – прошу я его. К этой просьбе присоединяются еще несколько человек, и наша просьба услышана.

К нашей шеренге примыкает генерал Калугин – невысокий улыбающийся мужчина.

– Смотри, сам Калугин! – тормошит меня напарник, но мне это совершенно неинтересно. Какая разница, кто идет рядом со мной. Сейчас мы все равны.

Если мы проиграем, то проиграем все скопом и чины здесь не причем.

Оглядываюсь назад. Море голов по всему Калининскому проспекту. Меня охватывает восторг от этого великого единения, от общего ясного порыва.

На садовом кольце перекрывают движение, и мы подходим к белому дому. Шеренги распались. Огибаем здание СЭВа. Весь мост через Москва реку в БТР. У белого дома маленькие группки людей. Поднимаемся по ступеням к парадному входу.

Перед нами выступает Хасбулатов, но его почти не слышно. Он стоит на лестничном парапете, удаленном от СЭВа, окруженный народом. До меня доносятся лишь обрывки фраз – Это переворот!.....Хунта.....Мы не признаем самозванный комитет.....бессрочная всеобщая забастовка...

Иду к главному входу за листовками. Там автоматчик, милиционер и охрана.

Выносят воззвание к народу Ельцина. Люди рвут листы из рук друг друга.

Начинается сильный проливной дождь, но недолгий. Я прячусь под козырек белого дома. Так же поступают и остальные. Какая-то дама требует впустить ее внутрь здания: – Я же хочу защищать Ельцина!

– Почему вы меня не пускаете!? – истерично насккивает она на автоматчика.

– Никто без специального пропуска туда не войдет – объясняет ей охранник.

– Куда вы лезете!? – с неприязнью спрашивает ее мужчина, – Может вы самый, что ни на есть друг ГКЧП, посланный казачек Пуго!

– Сам ты Пуго! – шипит обиженная дама и, отряхнув зонтик, демонстративно уходит.

Дождик закончился и снова светит солнце, но народу явно поубавилось. Никто не знает, что делать дальше, а ценных указаний из здания не последовало.

Иванов куда-то исчез, а двое парней с мегафонами, только ими от нас и отличаются.

С противоположной стороны здания подбегает человек и что-то взволнованно объясняет парню с громкоговорителем.

Из его слов понимаю, что туда прибыли омовцы, и мы бежим туда и сворачиваем за угол.

Здание оказалось приличным по размеру, и я сильно запыхался, прежде чем оказался у покрытой сочной травой зеленой лужайки.

Здесь народу собралось побольше – человек триста.

Основная масса сгрудилась перед четырьмя крытыми грузовыми машинами с решетками на окнах и лобовом стекле.

Машины тихо урчат, прогревая моторы, через решетку окна видны молодые суровые ребята в полной экипировке и шлемах. Они без эмоций разглядывают нас. Лица каменные.

– Мы ваши! Российские! – кричит высунувшийся из кабины офицер, и, взревев двигателями, машины медленно сдвинулись с места, негромко сигналив зазевавшимся защитникам. Их движение направленно во внутренний двор здания.

Народ расступается.

– Эй, да у них гербы СССР – закричал кто то.

– Но они же сказали, что наши – наивно возражают люди.

– Для того что бы попасть в здание они будут врать что угодно – ору я, и другие подхватывают эту мысль.

– Их надо блокировать! – взываю я к народу, но никто не делает попыток их задержать.

Лихорадочно думаю, что сделать. Несколько минут бездействия, и неизвестные машины окажутся в здании. Если это враги, им ничего не стоит втихую арестовать всех находящихся и сломить начинающееся сопротивление.

Мимо меня проехало две машины.

Сделав зверское лицо и призывая людей к действию, я руками упираюсь в бампер третьей машины, сумка мешается в руке, из толпы тут же выныривает фотограф и вспышка слепит мне глаза. Машина осторожно продолжает движение. Я почти ложусь на бампер грудью, но зорко слежу, что бы успеть отскочить, не попав под колеса.

Я прекрасно знаю, что мне не остановить эту махину, и стараюсь больше для виду, зажигая толпу.

Моя хитрость удалась и куча народу, вдохновленная моим «героическим» примером совсем не думая об опасности бросается перед машиной. То же самое происходит и с еще не проникшими во внутренний двор двумя предыдущими.

Машины неохотно останавливаются. Убедившись, что они заблокированы, кричу людям не пускать их, пока кто-нибудь известный не подтвердит их статус. Но на меня никто не обращает внимания.

Вновь бегу на другую сторону здания. Огибаю угол, надеясь, что Хасбулатов еще выступает, но его уже нет. Люди слушают ребят с громкоговорителями.

– Там ОМОН – 4 машины – чьи неизвестно – запыхавшись, говорю одному из них в надежде, что он прояснит ситуацию.

Но тот понимает ее по-своему.

– Товарищи, у заднего входа 4 машины омовцев пытаются проникнуть в здание – говорит он в мегафон.

Народ ринулся туда.

– Я не знаю, чьи это машины! Может наши! – пытаюсь объяснить парню ситуацию, но он уже не слушает и не хочет понимать сказанного.

Сплошной испорченный телефон! Мне это совсем не нравится. В неразберихе можно «наломать дров».

Возвращаюсь на задний двор, но две машины уже внутри. К зданию подъезжает газик ВАИ, в нем два здоровых молодца в полевой форме.

– Кто вы? – подходят к ним люди.

– Мы пожарные – широко улыбаясь, отвечает усатый водитель лет 40.

– Ч то вы врете! – ору я, предусмотрительно находясь от них подальше (не люблю получать по морде) – Вы посмотрите на их форму, какие это пожарные!? Форма полевая!

Те смеются, но сразу же уезжают.

Видя, что на мои крики мало кто обращает внимания, изменяю тактику. Хожу среди людей и убеждаю, что это ОМОН не российский, так как только что такие же ребята из газа ввалились.

Моя «подрывная» деятельность замечена какой-то истеричной женщиной и на меня выливается ушат помоев, что, дескать, вот провокатор, который не хочет впускать славных ОМОНОВЦЕВ на защиту белого дома.

Меня это сравнение обозлило и, кажется, я назвал ее дурой.

Все мои действия преследовали только одну цель – не впускать непроверенные войска в сердце обороны и я поражаюсь людям, наивно верящим в пустые слова и обещания ничем не подкрепленные из здания.

Наконец вышел милицкий чин и прокричал, что ОМОН РСФСРОВСКИЙ.

Но мы кричим: – Не верим! Давай того, кого все знают!

Тот обиженно замолчал, и, потоптавшись, скрылся в недрах здания.

Минут через семь из окна выглянул Руцкой и подтвердил слова милиционера, только после этого машины пропустили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.